

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АЗИАТСКО–ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И КОНЦЕПЦИИ

Артём Леонидович ЛУКИН, кандидат политических наук, доцент Владивостокского института международных отношений Дальневосточного государственного университета

Проблемы международной политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе¹ привлекают к себе повышенное внимание. В настоящее время существует немало теорий и концепций, объясняющих специфику международных отношений², выявляющих закономерности развития и предсказывающих их будущее.

В статье представлен обзор концепций зарубежных, преимущественно американских, учёных-международников, разделённых на три группы в соответствии с основными течениями современной теории международных отношений: политический реализм, либерализм и социокультурный подход³. Взгляды того или иного автора отнесены к определённому теоретическому направлению и носят условный характер, поскольку многие специалисты в своих исследованиях комбинируют различные парадигмы. Однако, как правило, какой-то один подход всё же является преобладающим.

РЕАЛИСТСКИЕ КОНЦЕПЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ В АТР

Политический реализм с многочисленными ответвлениями считается, пожалуй, наиболее влиятельной парадигмой в теории международных отношений. Его ключевые постулаты: 1) главными участниками международных отношений являются государства, в первую очередь, наиболее мощные из них; 2) международная среда анархична, зачастую опасна и враждебна, в борьбе за выживание государствам приходится рассчитывать главным образом на самих себя; 3) национальные интересы государств неизбежно сталкиваются в борьбе за власть, материальные богатства и престиж, соперничество превалирует над сотрудничеством; 4) международные отношения развёртываются «в тени войны», поэтому вопросы обеспечения национальной безопасности и соотношения военно-стратегических потенциалов являются приоритетными.

Одной из первых работ, в которых с позиций реализма анализировался международный порядок, зарождающийся в Восточной Азии после окончания «холодной войны», стала статья профессора Принстонского университета Аарона Фридберга «Созревшая для соперничества: перспективы для мира в многополярной Азии»⁴. Она была написана в 1993 г. и вызвала широкий резонанс. По мнению учёного, мир распался на региональные многополярные подсистемы, в рамках которых соперничают сопредельные державы. США по-прежнему остаются самым сильным мировым игроком, но будут в гораздо меньшей степени вмешиваться в дела других регионов.

Фридберг противопоставляет два региона — Европу и Восточную Азию⁵. Европа отличается нарастанием экономических взаимосвязей, общностью демократических политических режимов и культуры, наличием совместных многосторонних институтов, что ведёт к трансформации международных отношений, делая войну между европейскими государствами маловероятной.

Мирные перспективы Восточной Азии выглядят менее оптимистично, поскольку факторы, сдерживающие конфликтность, здесь пока очень слабы. В отличие от Европы азиатские государства имеют мало сходных, сближающих черт. Многие из них далеки от демократии, охвачены национализмом, питают враждебность и подозрительность друг к другу. В регионе существуют многочисленные конфликты, в том числе территориальные. Экономическая взаимозависимость, несмотря на очевидные успехи, ещё не укоренилась достаточно глубоко. В конечном счёте развитие региональных экономических связей будет зависеть от эволюции политических отношений между ведущими азиатскими державами. Если эти отношения ухудшатся, экономическая интеграция застопорится и может рухнуть⁶. Война не потеряла своей привлекательности для государств региона как инструмент политики.

В Восточной Азии разворачивается гонка между динамикой многополярности, которая может увеличить риск войны, и развитием умиротворяющих факторов (распространение демократии, рост экономического взаимодействия, создание многосторонних структур). Факторы в пользу мира пока перевешивают, но, предупреждает Фридберг, ситуация может быстро измениться в силу сохраняющейся взаимной подозрительности, которая способна легко превратиться в «спираль», ведущую к войне. Автор прогнозирует высокую вероятность, что к началу следующего века гонка вооружений в Азии может приобрести полномасштабный характер, заняв место прежнего соревнования между СССР и США.

По утверждению Фридберга, «...Азия не будет испытывать недостатка в кризисах... уже в самые ближайшие годы»⁷. Более того, «...в долгосрочной перспективе именно Азия с большой вероятностью станет ареной столкновения великих держав. Половина тысячелетия, в течение которого Европа была главным генератором войн в мире... близится к концу... Прошлое Европы может стать будущим Азии»⁸.

Решающую роль в том, чтобы способствовать формированию в АТР более мирного порядка, должны сыграть США. Америке следует воздержаться от резкого сокращения военно-стратегического присутствия в регионе, а также сохранить хорошие отношения с Японией. Именно Японию Фридберг в 1993 г. рассматривал как главного потенциального возмутителя спокойствия в Восточной Азии. Выйдя из альянса с США и став самостоятельной военно-политической силой, Япония неизбежно спровоцирует враждебную реакцию соседей, что сразу же подорвёт стабильность в регионе. Американская мощь удерживает Японию. Тем самым тормозится окончательный переход к независимой азиатской подсистеме и создаётся возможность набрать силу факторам, которые уменьшают конфликтный эффект многополярности⁹.

В отличие от А. Фридберга профессор Бостонского колледжа, научный сотрудник Центра восточноазиатских исследований Гарвардского университета Роберт Росс полагает, что нынешняя Восточная Азия уже существует в ситуации биполярности, где двумя полюсами выступают США и Китай¹⁰. Две другие великие державы, Россия и Япония, намного отстают по влиянию на регион и не могут претендовать на роль полюсов.

По мнению Росса, США и Китай рассматривают друг друга в качестве соперников, но это соперничество необязательно должно вести к жёсткой конфронтации и военному столкновению. Для этого есть две предпосылки. Во-первых, Росс относится к числу тех последователей реализма, кто полагает, что биполярность более склонна к стабильности, чем многополярные системы (с тремя и более центрами силы)¹¹.

Вторая и, по мнению Росса, самая важная причина заключается в том, что географическая структура биполярности в Восточной Азии способствует смягчению противостояния Америки и Китая. Регион геополитически делится на континентальную и морскую зоны. В континентальной части Восточной Азии господствует сухопутная держава Китай, а океанические пространства контролируют США. Ни та, ни другая державы не обладают и в обозримом будущем не будут обладать надёжными средствами для того, чтобы бросить реальный вызов сопернику в его сфере влияния. Тем самым география, что называется, «разводит» двух потенциальных противников, значительно уменьшая риск того, что они «сцепятся» в схватке. С точки зрения Росса, этим биполярность в АТР принципиально отличается от гораздо более конфликтной и опасной биполярности, которая существовала в отношениях между СССР и США, когда основным военно-стратегическим театром их противостояния являлась континентальная Европа, где соперники не были отделены друг от друга географическими преградами.

В своих последующих работах Росс продолжает развивать теорию о биполярности в АТР и разделении региона на две сферы влияния. В частности, в опубликованной в 2007 г. статье¹² он обращает внимание, какую геополитическую ориентацию выбирают восточноазиатские страны, не относящиеся к разряду великих держав. По мнению Росса, Южная Корея и Тайвань всё больше сближаются с Китаем. Это объясняется тем, что они

находятся в геополитической зоне влияния Китая, зависят от него экономически и крайне уязвимы перед Пекином в военном отношении. Ряд других стран Восточной Азии (АСЕАН, в меньшей степени Япония) тоже попали в экономическую орбиту Китая, но в военно-стратегическом измерении они надёжно «прикрыты» морской мощью США. Поэтому Япония, Сингапур, Филиппины (и в меньшей степени Индонезия и Малайзия) пытаются уравновесить влияние Китая и укрепляют стратегические связи с США. Таким образом, в АТР происходит консолидация биполярности, а роль США в регионе всё больше будет соответствовать сформулированному ещё в 1950 г. госсекретарём США Динном Ачесоном «периметру безопасности», который, как известно, исключал из рамок военных гарантий США континентальную Восточную Азию¹³.

Если Р. Росс видит возможность установления в АТР стабильного биполярного кондоминиума, где фактически всеми делами будут заправлять Пекин и Вашингтон, то профессор Университета Чикаго Джон Миршаймер полагает, что «два медведя в одной берлоге» не уживутся. Суть его воззрений заключается в том, что каждая великая держава для обеспечения своей безопасности в анархичной международной среде стремится к максимальному могуществу и к доминированию над другими государствами. По мнению профессора, достигнуть глобальной гегемонии почти невозможно. Более реальной целью является гегемония в «своём» географическом регионе. Государства, которые добиваются региональной гегемонии, не хотят, чтобы в других частях планеты появились равные им по силам соперники, и пытаются помешать иным великим державам стать доминантами в своих регионах. Держава-гегемон заинтересована в том, чтобы в других регионах шло соперничество между наиболее сильными государствами, которые будут взаимно сдерживать друг друга и не смогут посягать на первенство уже имеющегося гегемона.

Америка, утверждает учёный, ещё в конце XIX в. стала региональным гегемоном в Западном полушарии и остаётся таковым до сих пор, хотя и не достигла глобальной гегемонии. Каждый раз, когда в других частях света появлялся претендент на господство, Соединённые Штаты принимали решительные меры для срыва его планов и играли ключевую роль в его поражении. Так произошло с кайзеровской Германией, императорской Японией, нацистской Германией и Советским Союзом.

Миршаймер уверен в том, что Китай постарается добиться в Восточной Азии гегемонии. «Усиливающийся Китай скорее всего попытается изгнать США из Азии, что во многом будет схоже с тем, как США изгнали европейские великие державы из Западного полушария. Нам следует ждать, что Китай выступит со своей версией доктрины Монро, как это сделала Япония в 1930-е годы»¹⁴. Из исторического опыта очевидно, что США этого не потерпят. Соседи Китая тоже будут бояться роста его мощи. С точки зрения американского учёного, уже есть свидетельства, что такие страны, как Япония, Россия, Индия, Южная Корея, Сингапур и Вьетнам, ищут способы сдерживания Китая. В конце концов, они присоединятся к ведомой

Америкой антикитайской коалиции. Теоретик-реалист патетически завершает свои умозаключения: «...Никакое количество доброй воли неспособно смягчить острое стратегическое противоборство, которое развернётся в тот момент, когда в Евразии появится претендент на гегемонию. В этом трагедия взаимоотношений великих держав»¹⁵.

К числу наиболее глубоких и вдумчивых американских исследователей АТР относится директор Центра Восток—Запад Муфия Алагаппа (г. Вашингтон). Он полагает, что в АТР уже сложился сравнительно прочный международный порядок. В его основе лежит разделяемая подавляющим большинством государств региона совокупность принципов и норм, ключевое место среди которых занимают концепция государственного суверенитета и вытекающие из неё положения, такие как территориальная целостность, невмешательство во внутренние дела, мирное сосуществование и другие. Важным свидетельством наличия в АТР международного порядка можно считать отсутствие в регионе межгосударственных войн и крупных вооружённых конфликтов.

Поддержание порядка осуществляется одновременно с помощью нескольких методов, где самыми важными являются американская военно-стратегическая гегемония и силовое балансирование государств в отношениях друг с другом. Кроме того, всё более значимую роль в АТР играют «несиловые» методы — экономическое сотрудничество, международные режимы и многосторонние институты. Эти методы зачастую вступают в противоречие друг с другом (например, силовое балансирование плохо вяжется с созданием эффективных институтов межгосударственного сотрудничества). Однако, по мнению Алагаппы, между ними есть и взаимодополняемость, которая позволяет в случае неудачи одного метода поддержания стабильности компенсировать его другими¹⁶.

М. Алагаппа высказывает не вполне типичный для американской науки взгляд на роль США в АТР, ставя под сомнение основополагающее значение американской гегемонии для поддержания мира в регионе. Хотя военное присутствие Америки и её стратегические гарантии ряду стран региона в определённой степени способствуют стабильности, такая роль имеет ряд недостатков и отнюдь не всеми признаётся в качестве всеобщего блага. Более того, Алагаппа высказывает предположение, что Америка, возможно, препятствует развитию в регионе компромиссной и конструктивной среды. Он отмечает: «Последствия ослабления стратегической роли США или даже в маловероятном крайнем варианте — полного ухода Америки из региона, могут и не быть столь катастрофичными, как принято думать»¹⁷.

М. Алагаппа предсказывает, что нынешний порядок в регионе будет претерпевать скорее эволюционные и постепенные, чем революционные и драматические изменения. Организующий принцип азиатско-тихоокеанской системы — приоритет национального суверенитета государств — будет сохранять свою жизнеспособность в течение длительного времени. Резкие и скорые изменения в соотношении сил между ведущими региональными

державами тоже маловероятны. Но Алагаппа указывает на такие тенденции, как усиление азиатских великих держав (прежде всего Китая и Индии), национально-государственная консолидация других азиатских стран, укрепление создаваемой азиатскими акторами нормативной структуры. Всё это должно постепенно ослабить главную роль Америки в регионе¹⁸.

Два других видных американских специалиста, профессор Дартмутского колледжа Майкл Мастандуно и профессор Джорджтаунского университета Джон Айкенберри, тоже пытаются спрогнозировать грядущую геополитическую конфигурацию в АТР. В отличие от М. Алагаппы они полагают, что и сейчас, и в будущем США могут и должны выполнять функцию наиболее важного элемента азиатско-тихоокеанской системы. Мастандуно и Айкенберри рисуют четыре сценария, претворение которых в жизнь будет, по их мнению, зависеть прежде всего от избранной Вашингтоном линии поведения.

Первый сценарий, «гегемонический порядок во главе с США», предусматривает сохранение и укрепление существующей региональной структуры. США продолжают играть центральную и активную роль в регионе, сохраняя значительное военное присутствие, вмешиваясь дипломатическими и даже силовыми способами для поддержания стабильности и регулирования споров. Организующим принципом этого типа порядка останется система «втулки и спиц колеса», основывающаяся на двусторонних военно-политических альянсах США с рядом ключевых стран региона. Стратегией Вашингтона по-прежнему будет поддержание особых отношений с каждым из крупных региональных игроков, даже несмотря на то, что сами игроки могут питать неприязнь друг к другу.

Реализация этого сценария требует выполнения ряда условий. Для США недостаточно просто удерживать лидерство по силовому потенциалу. Вашингтону придётся убедить другие государства (прежде всего Китай) в том, что американская гегемония отвечает их интересам. Для выполнения этой задачи значение имеет эффективность американской дипломатии¹⁹.

Второй сценарий предусматривает возникновение в регионе многополярного баланса сил с участием трёх или более крупных игроков. Он может наступить в результате роста могущества Китая и ослабления или даже распада американо-японского альянса. США из единственной сверхдержавы превратятся в обычную великую державу. Двумя другими полюсами станут Китай и Япония. Вероятными кандидатами в разряд великих азиатско-тихоокеанских держав могут быть Россия, Индия и объединившаяся Корея.

По оценке Айкенберри и Мастандуно, многополярный порядок обречён на нестабильность. Во-первых, это обусловлено наличием в регионе целого ряда взрывоопасных конфликтов. Во-вторых, стабильность классической многополярной системы XIX в. в Европе достигалась во многом благодаря гибкости в формировании коалиций. В современном АТР, считают американские международники, обеспечить подобную гибкость будет гораздо сложнее в связи с наличием устойчивых пар партнёрских отноше-

ний (например, США — Япония) и не менее устойчивых пар, характеризующихся давней враждой (например, Китай — Япония, Россия — США). Кроме того, геополитическая борьба в многополярной среде может сопровождаться и геэкономическим соперничеством, создавая ещё один источник нестабильности²⁰.

Третий сценарий — биполярный баланс сил, в котором наиболее вероятными полюсами будут США и Китай. В этом типе порядка все остальные государства будут вынуждены принять сторону одной из двух великих держав. Устойчивость такой системы зависит, в первую очередь, от выносливости и силы соперников. Позиции Китая будут более уязвимыми, главным образом из-за его внутренних проблем. Два конкурента столкнутся с теми же рисками, какие возникли при опасном противостоянии СССР и США. Но в случае борьбы Пекина и Вашингтона ситуация будет осложнена асимметричностью их ядерных арсеналов, а также проблемой Тайваня²¹.

Наконец, четвёртая альтернатива представляет собой возникновение в АТР зрелого «сообщества безопасности». Этот термин обозначает группу государств, ценности и интересы которых настолько близки, что применение силы в отношениях друг с другом становится невыносимым. По сути, этот сценарий должен повлечь за собой «европеизацию» АТР. Понятно, что условия для реализации подобного светлого будущего в регионе практически отсутствуют. Неудивительно, что Айкенберри и Мастандуно рассматривают этот вариант как наименее вероятный²².

Наиболее желательным и для региона, и для США сценарием Дж. Айкенберри и М. Мастандуно считают американскую гегемонию. Правда, они не приводят достаточно веских аргументов, каким образом убедить Китай и ряд других азиатских государств в том, что главенство США выгодно и приемлемо для них.

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ В АТР

Либерализм в теории международных отношений включает в себя широкий круг исследовательских подходов и концепций. Тем не менее можно выделить ряд присущих либеральной парадигме основных характеристик.

В международной политике участвуют не только государства, но и негосударственные субъекты — неправительственные структуры, корпорации, внутригосударственные регионы и т.д.; конфликты и войны не являются неизбежными. Либерализм делает акцент не на соперничестве, а на взаимозависимости государств и необходимости развития сотрудничества между ними; повышенное внимание уделяется международным институтам, режимам и нормам; приоритетные темы для либерализма — рыночная экономика, демократия и права человека; государство не является монолитным

внешнеполитическим актором. При анализе внешней политики нужно учитывать различные институты и группы интересов внутри страны.

К типичным примерам либерального подхода к анализу международных отношений в АТР можно отнести работу профессора американского Университета Джорджа Мейсона Мин Вана, в которой он доказывает, что экономическая взаимозависимость оказывает положительный стабилизирующий эффект на безопасность в регионе²³. Мин Ван исходит из постулатов так называемого «торгового либерализма», согласно которому тесные экономические контакты между государствами превращают войну в бессмысленный и бесполезный инструмент внешней политики.

По мнению Мин Вана, ситуация в АТР в целом подтверждает позитивную корреляцию между ростом взаимозависимости и снижением конфликтности. Несмотря на присутствие серьёзных противоречий, регион становится более стабильным по мере углубления экономической взаимозависимости на основе рыночных капиталистических принципов. Наибольшей стабильностью в отношениях отличаются группы государств, характеризующиеся наибольшей взаимозависимостью. Как отмечает исследователь, «трудно представить военный конфликт между Японией, Южной Кореей и Тайванем в Северо-Восточной Азии, между государствами АСЕАН в Юго-Восточной Азии, между этими двумя субрегионами, а также между США и каким-либо из этих государств»²⁴.

Мин Ван оговаривается, что, хотя экономические связи уменьшают вероятность войн, они не всегда могут их предотвратить. Поэтому государства региона, развивая экономическое сотрудничество, в то же время «подстраховываются» реалистическими методами обеспечения национальной безопасности, укрепляя свои военно-стратегические позиции.

В отличие от большинства реалистов представители либерального подхода в целом оптимистично смотрят на такой критически важный фактор международной обстановки в АТР, как «подъём Китая». Либералы полагают, что выход на сцену новых мощных игроков не обязательно должен сопровождаться катаклизмами и войнами. Так, учёные из Университета Питтсбурга Уильям Келлер и Томас Роски считают, что будущее Китая больше зависит от международного сотрудничества, торговой дипломатии и участия в многосторонних институтах, чем от использования военной силы. Они обращают внимание на чрезвычайно высокий уровень зависимости Китая от связей с внешним миром. В 2005 г. отношение объёма внешней торговли к ВВП составляло для Китая 64%. Такой уровень экономической открытости беспрецедентен среди крупных держав и гораздо выше, чем аналогичные показатели для США, России, Индии, Бразилии и Японии²⁵.

Келлер и Роски подчёркивают, что зона жизненно важных для Китая экономических связей настолько географически обширна (ближневосточная нефть, австралийская и бразильская железная руда и т.д.), что Китай ни сейчас, ни в будущем не сможет даже и думать о том, чтобы поставить её под свой контроль военно-силовыми методами. Поэтому беспочвенны

опасения, что Китай, подобно Японии в 1930 и 1940-е гг. может попытаться завоевать исключительную сферу влияния для импорта сырья и экспорта своих товаров. Учёные приходят к выводу, что «мирный подъём» Китая вполне осуществим при условии, что политика США будет ориентироваться не на стратегию сдерживания Китая, а на либеральные принципы, поощряющие экономическую интеграцию²⁶.

С точки зрения многих представителей либеральной парадигмы анализ отношений между государствами должен обязательно дополняться рассмотрением роли негосударственных акторов и внутривосточных процессов, оказывающих влияние на выработку и осуществление внешней политики. Сун Чул Ким из Института мира Университета Хиросимы полагает, что региональная динамика в СВА может быть представлена в виде трёх уровней взаимодействия.

Первый уровень — это традиционные политико-дипломатические отношения между правительствами, второй — восприятие обществом своих стран-соседей, а также внутривосточные трансформации в стране. Особенности взаимного восприятия, отягощённые неразрешёнными историческими проблемами, играют немаловажную роль в отношениях стран региона, особенно во взаимодействии Японии с Китаем и двумя Кореями. Сун Чул Ким отмечает, что в СВА в большинстве случаев психологическая неприязнь преодолевается в силу национальных интересов, требующих расширения сотрудничества в экономике и других областях: «Если стратегические соображения государственных лидеров и стремление к прибыли деловых кругов совпадают, они подавляют негативные настроения в общественном мнении своей страны, чтобы ослабить напряжённость в межгосударственных отношениях и создать условия для регионального сотрудничества»²⁷. В этой связи прочная коалиция между правящей политической элитой и бизнесом является важным фактором в продвижении рыночной открытости, сотрудничества и предотвращения конфликтов в регионе.

Зачастую вопросы внешней политики решаются в результате споров между различными властными институтами и группировками. Например, в США Конгресс склонен занимать протайваньские позиции, а администрация президента более внимательно относится к требованиям Пекина; в Либерально-демократической партии Японии существуют прокитайские и антикитайские группы и т.п.

Третий уровень международных отношений в СВА представлен транснациональными связями неправительственных организаций (НПО). Сун Чул Ким признаёт, что большинство НПО в странах СВА сравнительно мало вовлечены в международные дела и пока не оказывают значительного влияния на региональную политику. Тем не менее, по его мнению, у этих негосударственных акторов имеется немалый потенциал, который может быть особенно эффективно задействован в наступившую эру информационных технологий, способствующих распространению новых знаний и идей²⁸.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АТР

Социокультурный подход объединяет очень широкий и разнообразный спектр течений и теорий. Можно выделить ряд базовых положений, которые характерны для представителей этого подхода: подчёркивается значимость в международной политике «нематериальных» сущностей — идентичностей²⁹, норм и ценностей, которые формируются под воздействием культуры, традиций, истории; если реалисты и либералы рассматривают фундаментальные интересы международных акторов как нечто данное и предопределённое, то последователи социокультурного направления считают, что интересы постоянно «конструируются» и переформулируются в ходе взаимодействия с внешним нормативным окружением; особое внимание уделяется процессам самовосприятия и взаимного восприятия международных акторов.

Одним из самых известных и влиятельных современных направлений в рамках социокультурного подхода является конструктивизм. Профессор Бостонского университета Томас Бергер считает, что конструктивистские концепции позволяют более глубоко постигнуть международную динамику в АТР. По его мнению, ни реализм, ни либеральная парадигма не дают полного объяснения региональным процессам. Объяснений, исходящих только из факторов баланса сил или взаимозависимости, явно недостаточно, поскольку восприятие государствами угроз и возможностей международной среды во многом обуславливается контекстом их внутренней политической культуры³⁰. Так, сегодняшнее внешнеполитическое поведение Японии может быть понято только с учётом укоренившейся в ней после Второй мировой войны культуры антимилитаризма.

Т. Бергер выделяет три наиболее важных для международных отношений в АТР социокультурных фактора. Во-первых, это разделяемый большинством стран консенсус о приоритетности экономического роста и развития. Во-вторых, интенсивный национализм, который особенно проявляется в ситуациях на Корейском полуострове и вокруг Тайваня. Националистические эмоции и конфликтующие идентичности зачастую заставляют региональных акторов совершать иррациональные с точки зрения классических теорий международных отношений поступки. Третьим фактором является влияние исторической памяти и связанных с ней проблем негативного восприятия и враждебности, наиболее ярким примером могут считаться японо-корейские отношения. Корейский национализм возник во многом как реакция на японский империализм, а травма, нанесённая колониальным господством Японии, до сих пор остаётся очень важной частью коллективного сознания корейцев. В то же время Корея занимает сравнительно незначительное место в японском национальном сознании. Восприятие японцами корейцев всё ещё несёт некоторый отпечаток чувства превосходства, которое вос-

ходит к довоенному самовосприятию Японии как «просвещённого лидера и спасителя Восточной Азии».

Казалось бы, с позиций чисто рациональной международной политики Токио и Сеул могли бы быть гораздо более близкими партнёрами, учитывая их альянс с Вашингтоном, общие опасения в отношении Северной Кореи и Китая, тесную экономическую интеграцию. Однако в силу проблем взаимного восприятия стратегическое сотрудничество между Южной Кореей и Японией остаётся крайне ограниченным, а их политико-дипломатические отношения очень нестабильны³¹.

Профессор Гарвардского университета Алистер Джонстон применяет конструктивистскую методологию для анализа того, каким образом участие в региональных институтах трансформирует поведение государств³². В процессе участия в работе международной организации и взаимодействия с другими её членами происходит внутреннее усвоение (интернализация) государством нормативных основ данной организации и меняется его идентичность. Международный актор подвергается социализации подобно тому, как индивид, оказавшийся в новом и незнакомом коллективе, постепенно усваивает его нормы и правила поведения, а его личная идентичность соответственно трансформируется. Таким образом, конструктивизм рассматривает международные институты как социальную среду, а не только как набор внешних ограничителей и стимулов, сдерживающих и направляющих поведение государств.

В качестве примера А. Джонстон использует членство Китая в Региональном форуме АСЕАН (АРФ). АРФ, созданный в 1994 г., воплощает в себе черты так называемого «Асеановского подхода» к международной политике («the ASEAN Way»). Его основные черты — стремление к достижению консенсуса, взаимные консультации и диалог, выработка «привычки к сотрудничеству», отказ от силовых методов и принуждения, слабая степень формальной институционализации, неприятие обязывающих, «легалистических» решений и процедур. Важное значение в деятельности АРФ имеет концепция кооперативной (общей) безопасности.

А. Джонстон показывает, как Китай, поначалу очень настороженно относившийся к АРФ, постепенно стал принимать гораздо более активное участие в его деятельности и воспринял многие нормативные принципы, что, в свою очередь, оказало определённое влияние на внешнеполитический курс КНР.

Профессор Дартмутского колледжа Дэвид Кан, опираясь прежде всего на социокультурный подход, разработал свою концепцию международных отношений в Восточной Азии, в которой главную роль играют Китай и его взаимоотношения со странами региона³³. Учёный обращает внимание, что классические реалистские теории баланса сил не в состоянии объяснить региональную реальность. Согласно этим теориям превращение Китая в великую державу должно было бы дестабилизировать Восточную Азию и вызвать «балансирующее», т.е. противодействующее Пекину поведение его соседей. Однако регион на протяжении довольно длительного времени

характеризуется сравнительной стабильностью, а восточноазиатские страны успешно приспособляются к поднимающемуся Китаю и расширяют взаимодействие с ним. Теории балансирования создавались, исходя из европейского опыта, в то время как международные отношения в Восточной Азии имеют свою, во многом несхожую с Европой культурно-историческую специфику и динамику. Учёный считает, что анализировать международную политику в регионе следует прежде всего через призму идентичностей и взаимного восприятия стран Восточной Азии³⁴.

По мнению Д. Кана, до вторжения (в XIX в.) европейских держав в Восточной Азии существовал весьма развитый и устойчивый международный порядок, который характеризовался формальной иерархичностью. Роль центра и главного гаранта порядка выполнял Китай, верховенство которого признавалось всеми государствами региона и базировалось как на преобладающей военно-политической мощи, так и на цивилизационно-культурном авторитете. Восточноазиатский порядок отличался формальным неравенством, но при этом входящие в него государства были фактически равны и самостоятельны, а их отношения с Китаем и между собой более мирные, чем на Западе. Причём сильный Китай оказывал позитивное влияние на ситуацию в регионе, а ослабление Поднебесной обычно влекло за собой хаос во всей Восточной Азии.

Исторический опыт как важная составная часть идентичности и мировосприятия государств оказывает существенное влияние на их сегодняшнее поведение. По мнению Кана, страны Восточной Азии не боятся Китая и не видят в нём непосредственной угрозы, скорее рассматривают его с точки зрения возможностей выгодного сотрудничества. Именно поэтому восточноазиатские акторы, вопреки постулатам политреализма, не видят веских причин для «уравновешивания» растущей китайской мощи и не желают создавать каких-либо антикитайских коалиций.

Только Япония и Тайвань проявляют определённую настороженность в отношении Китая. Япония — единственное государство региона, которое в состоянии бросить Пекину реальный вызов. Но, по мнению Кана, японцы вряд ли пойдут на это, поскольку до сих пор находятся в поиске своей идентичности и не до конца определились со стратегическими приоритетами. Столкновение Японии и Китая может произойти лишь в контексте американо-японского альянса, если Токио будет втянут в возможную конфронтацию Вашингтона и Пекина. Впрочем, Кан считает, что антагонизм между США и Китаем отнюдь не является неизбежным, поскольку у них слишком много общих и объединяющих интересов. Кроме того, Пекин до сих пор не выказывал намерений оспорить военно-стратегическое превосходство США.

Что касается взаимного противостояния КНР и Тайваня, то это особый случай, поскольку Китай считает остров своей неотъемлемой частью и не распространяет на него правила мирного сосуществования, которыми руководствуется в отношениях с другими восточноазиатскими соседями. Как полагает Кан, государства региона хорошо понимают логику Ки-

тая в этом споре и не рассматривают воинственные жесты Пекина в адрес тайваньских сепаратистов как потенциальную угрозу для себя.

В XXI в. Восточная Азия в некотором смысле возвращается «назад в будущее», где Китай вновь становится центральной и наиболее влиятельной силой, укрепляя при этом стабильность и дружелюбные отношения с соседями. Но, нарисовав в целом довольно оптимистичную картину, учёный делает важную оговорку, что нынешнее миролюбие в регионе не обязательно сохранится в долгосрочной перспективе. Так, в Китае могут возобладать великодержавные националистические тенденции, что, безусловно, приведёт к изменению его восприятия сопредельными странами и внесёт коррективы в их политику. Однако любые прогнозы на этот счёт Д. Кан считает чисто умозрительными и предлагает исходить из существующей реальности³⁵.

Далеко не всем теория о «доброжелательной и мирной» китайской гегемонии кажется достаточно убедительной. Так, профессор Наньянского технологического университета в Сингапуре Амитав Ачарья ставит под сомнение многие её аргументы. В частности, он критикует Кана за то, что тот не включает в Восточную Азию Индию, хотя она тесно связана с Юго-Восточной Азией и является важным стратегическим игроком в регионе³⁶. История отношений Китая с соседями тоже не кажется Ачарье столь идиллической. По его мнению, Поднебесная без колебаний обрушивала на соседей жестокую силу, если этого требовали её интересы и имелись соответствующие возможности. Нет никаких оснований полагать, что Китай в силу неких культурно-исторических свойств менее склонен к силовым методам, чем, например, государства Запада. Важно и то, что до XIX в. у Китая действительно не было равных по силе соперников в Восточной Азии, но сейчас в регионе есть другие мощные центры влияния (прежде всего США).

Ачарья не видит признаков того, что страны региона так уж безмятежны в связи усилением Китая и воздерживаются от его балансирования. Стремление многих государств (Япония, Австралия, ряд стран АСЕАН) укрепить стратегические связи с Америкой (и Индией) говорит скорее об обратном. Не очевидна и готовность стран Восточной Азии признать главенство Пекина в региональных делах, о чём свидетельствует в том числе желание АСЕАН играть центральную роль в процессах многостороннего сотрудничества в регионе. Как считает А. Ачарья, Д. Кан переоценивает фактор культурно-исторической уникальности Восточной Азии и недооценивает роль, которую в поддержании региональной стабильности выполняют экономическая взаимозависимость, общие нормы поведения и международные институты³⁷.

Исходя из представленного выше обзора концепций и идей, можно сделать некоторые выводы.

1. Среди учёных нет единства относительно перспектив международной ситуации в АТР. Диапазон оценок крайне широк: от оптимистических прогнозов, в которых между странами региона будут преобладать миролюбивые отношения на основе общих интересов и международных институтов,

до мрачных предсказаний, согласно которым АТР обречён стать ареной жёсткой борьбы или даже войны великих держав.

2. Разные мнения высказываются и о складывающейся в регионе геополитической конфигурации: сохранение однополярного стратегического доминирования США; формирование биполярной модели, где в роли главных полюсов выступают Америка и Китай; наступление многополярности с тремя или более центрами силы; приход (или, если учитывать историческую перспективу, «возвращение») гегемонии Китая в Восточной Азии.

3. Большинство авторов едины в том, что усиливающийся Китай является сейчас наиболее важным фактором региональной динамики и судьба региона во многом зависит от того, какой путь изберёт для себя Пекин — продолжение нынешнего курса на поддержание стабильности и добрососедства или поворот в сторону гораздо более напористой, возможно даже экспансионистской политики.

4. Одним из ключевых факторов является поведение США. Хватит ли у Америки воли и сил для удержания своей стратегической гегемонии в АТР? Какую политику она будет проводить в отношении Китая, в том числе и по «Тайваньской проблеме»? На эти вопросы сейчас нет определённого ответа.

5. Бросается в глаза, что большинство иностранных авторов практически игнорируют Россию при анализе ситуации в АТР. Нашу страну либо вообще обходят молчанием, либо упоминают вскользь как второстепенного или даже третьестепенного игрока. И в этом отражается тот факт, что Россия пока не входит в число самых влиятельных акторов региона и в значительной степени находится на периферии региональных процессов. Вряд ли стоит отрицать эту объективную реальность. Скорее это дополнительный аргумент в пользу необходимости укрепления российских позиций в АТР и поиска наиболее эффективной стратегии в этом ключевом регионе планеты.

¹ Автор подразумевает, что АТР включает в себя страны, имеющие выход к Тихому океану, либо тяготеющие к нему политико-стратегически и/или экономически. Поскольку ядром АТР является Восточная Азия, понятия АТР и Восточная Азия могут использоваться как до определённой степени взаимозаменяемые.

² Разумеется, этими парадигмами наука о международных отношениях не исчерпывается. Существует целый ряд других течений, таких как марксизм, неомарксизм, постмодернизм, феминизм. Однако они озабочены прежде всего глобальными процессами, и в их рамках практически нет концепций, которые бы фокусировались именно на современном АТР.

³ Aaron L. Friedberg. *Ripe for Rivalry: Prospects for Peace in a Multipolar Asia* // *International Security*, Vol. 18, № 3. (Winter, 1993—1994). P. 5—33.

⁴ В своей работе Фридберг, как и многие другие западные авторы, употребляет широкий термин «Азия», но имеется в виду прежде всего Восточная Азия и Южная Азия (в первую очередь, Индия и Пакистан).

⁵ Friedberg. *Op. cit.* P. 22.

⁶ *Ibid.* P. 31.

⁷ *Ibid.* P. 7.

⁸ *Ibid.* P. 32.

- ⁹ Robert R. Ross. *The Geography of the Peace: East Asia in the Twenty-first Century* // *International Security*, Vol. 23, № 4 (Spring 1999). P. 81—118.
- ¹⁰ Robert R. Ross. *Balance of Power Politics and the Rise of China: Accommodation and Balancing in East Asia*. In *China's Rise and the Balance of Influence in Asia*. Ed. by William W. Keller and Thomas G. Rawski. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2007.
- ¹¹ Ross. *Balance of Power Politics and the Rise of China* // *Op.*, cit. P. 143—145.
- ¹² John Mearsheimer. *Can China Rise Peacefully?* September 17, 2004. P. 4. <http://mearsheimer.uchicago.edu/pdfs/A0034b.pdf>
- ¹³ *Ibid.* P. 5.
- ¹⁴ Alagappa. *Managing Asian Security*. In *Asian Security Order: Instrumental and Normative Features*. Ed. by Muthiah Alagappa. Stanford: Stanford University Press, 2003. P. 593.
- ¹⁵ *Ibid.* P. 599.
- ¹⁶ *Ibid.* P. 600—604.
- ¹⁷ G. John Ikenberry and Michael Mastanduno. *Conclusion: Images of Order in the Asia-Pacific and the Role of the United States*. In *International Relations Theory and the Asia-Pacific*. Ed. by G. John Ikenberry and Michael Mastanduno. New York: Columbia University Press, 2003. P. 423—425.
- ¹⁸ *Ibid.* P. 425—426.
- ¹⁹ *Ibid.* P. 426—428.
- ²⁰ *Ibid.* P. 428—429.
- ²¹ Ming Wan. *Economic Interdependence and Economic Cooperation: Mitigating Conflict and Transforming Security Order in Asia*. In *Asian Security Order: Instrumental and Normative Features*. Ed. by Muthiah Alagappa. Stanford: Stanford University Press, 2003.
- ²² *Ibid.* P. 292.
- ²³ William W. Keller and Thomas G. Rawski. *China's Peaceful Rise: Road Map or Fantasy*. In *China's Rise and the Balance of Influence in Asia*. Ed. by William W. Keller and Thomas G. Rawski. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2007. P. 195.
- ²⁴ *Ibid.* P. 198—203.
- ²⁵ Sung Chull Kim. *Introduction: multilayered domestic-regional linkages*. In *Regional Cooperation and Its Enemies in Northeast Asia: The Impact of Domestic Forces*. Ed. by Edward Friedman and Sung Chull Kim. London and New York: Routledge, 2006. P. 7.
- ²⁶ *Ibid.* P. 7—8.
- ²⁷ Национальная идентичность — это то, как нация определяет и воспринимает себя, своё место в мире и отношения с миром.
- ²⁸ Thomas U. Berger. *Power and Purpose in Pacific East Asia: A Constructivist Interpretation*. In *International Relations Theory and the Asia-Pacific*. New York: Columbia University Press, 2003. P. 388.
- ²⁹ *Ibid.* P. 400—407.
- ³⁰ Alastair Iain Johnston. *Socialization in International Institutions: The ASEAN Way and International Relations Theory*. In *International Relations Theory and the Asia-Pacific*. New York: Columbia University Press, 2003.
- ³¹ К Восточной Азии Кан помимо Китая относит Японию, Корею, страны ЮВА, Австралию и Новую Зеландию.
- ³² David C. Kang. *China Rising: Peace, Power and Order in East Asia*. New York: Columbia University Press, 2007.
- ³³ *Ibid.* P. 202.
- ³⁴ Игнорирование Каном Индии скорее всего объясняется тем, что её настороженность к Китаю и стремление играть самостоятельную лидерскую роль не совсем вписывается в рамки теории о восточноазиатской иерархии во главе с Пекином.
- ³⁵ Amitav Acharya. *Will Asia's Past Be Its Future?* *International Security*, Vol. 28, № 23 (Winter 2003/04). P. 149—164.

SUMMARY: The paper by Associate Professor of Far Eastern National University Artyom Lukin reviews and analyzes some theories and models of international relations in the Asia-Pacific developed by Western scholars. The author divides them into three groups according to main strands of modern international relations theory: political realism, liberalism and socio-cultural approach.